

С. ОСТРОВСКАЯ

Из дневников

Ночь на 22 сент. 1946

Пьем у Ахматовой — Ольга, матадор, я. Неожиданно полтора литра водки. По радио и в газете — сокращенная стенограмма выступления Жданова... Ольга хмельная, прелестная, бесстыдная, все время поет, целует руки развенчанной. Но царица, лишенная трона, все-таки царица — держится прекрасно и, пожалуй, тоже бесстыдно: «На мне ничто не отражается». Сопоставляет: 1922—24 — и теперь. Все — то же. Старается быть над временем.

26 окт. 1946

Замечательная прогулка с Ахматовой. Летний, Марсово — такой необыкновенный закат — на крови — с гигантским веером розовых облачных стрел в полнеба. Говорит о себе:

— Зачем они так поступили? Ведь получается обратный результат — жалеют, сочувствуют, лежат в обмороке от отчаяния, читают, читают даже те, кто никогда не читал. Зачем было делать из меня мученицу? Надо было сделать из меня стерву, сволочь — подарить дачу, машину, засыпать всеми возможными пайками и тайно запретить меня печатать! Никто бы этого не знал — и меня бы сразу все возненавидели за материальное благополучие. А человеку прощают все, только не такое благополучие. Стали бы говорить — «вот видите, ничего и не пишет, исписалась, кончилась! Катается, жрет, зажралась — какой же это поэт! Просто обласканная бабенка, вот и все!» И я была бы и убита, и похоронена — и навек, понимаете, на веки веков, аминь!

Обедаем у меня, пьем водку.

Интересный день.

О ней действительно очень много говорят. Разносятся слухи — паралич, сошла с ума, отравилась, бросилась в пропасть на Кавказе. Все ловит, собирает, пересказывает, улыбается — и: торжествует.

— Подумайте, какая слава! Даже ЦК обо мне пишет и отлучает от лика. Ах, скандальная старуха!..

21.12.1947

Около 11 вечера. Встречаемся с Ахматовой на дивных заснеженных улицах в ласковом декабре. Гуляем по переулочкам. Возмущенно рассказывает: в первые дни после знаменитого постановления у нее была шумная окололитературная дама Марианна Георгиевна (из б. «Ленинграда») и авторитетно и таинственно предупредила ее: месяц не выходить на улицу.

— Ну, а если выйду? — спросила Ахматова.

— Ташкент.

Ахматова и не выходила (она все-таки покорная!), никому об этом не рассказала, кроме Ольги Берггольц. Та сказала:

— Это она, вероятно, от себя.

Ахматова не поверила — и так-таки не выходила. По-моему, гораздо больше месяца. Много раз видела Ольгу. А теперь открылось, что еще в то время Ольга, рассказывая об этом Нине Ольшевской (жена Ардова) в Москве, сказала:

— Ей показалось, что ей запрещено выходить на улицу.

Ахматова кипит — разочарование в Ольге, недоверие, сомнения.

— Что же обо мне будут говорить? «Показалось»... значит, галлюцинация? Значит, сумасшедшая. Чаадаева хоть Николай I сделал сумасшедшим, а здесь — какая-то Ольга... Если это где-нибудь останется, ей поверят, поверят. Если потом и выздоровела, то все-таки была сумасшедшенькой.

Ольга упала. Ахматова советуется — объясняться с ней или нет.

